

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

II, 4

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Б. А. ВАСИЛЬЕВ

Левый фронт в китайской литературе

«На основе роста промышленности в Китае во время империалистической войны и происходящего на этой почве окончательного оформления национальной китайской буржуазии, как политической силы, в 1918 г. возникло национальное культурное буржуазное движение, известное под именем «движения 4-го мая». Движение это шло под лозунгом «за демократию и науку против феодальной идеологии», «за реформу старого, доступного чрезвычайно узким слоям литературного языка вэнь-янь», «за язык бай-хуа», приближающийся к разговорному. А новая литература противопоставлялась старой, как популярная народная — аристократической. Иными словами, буржуазное направление сменило феодальное».¹

Мы должны рассматривать историю этой новой буржуазной литературы в связи с общим ходом китайской революции и должны отметить, что в момент отхода китайской буржуазии от революции это нашло соответствующее отражение и в буржуазной литературе. Подъем пролетарской литературы относится к переломному периоду временного поражения китайской революции в 1927 г. и дальнейшего перехода революции на высшую стадию борьбы за советы.

Мы знаем, что пролетарская литература у нас была создана еще до Октябрьской революции, и отдельные ростки ее мы можем найти в литературе прошлого века. Но пролетарская литература, как широкое массовое движение, могла вырасти только после Октября.

И в Китае влияние Октября стимулировало развитие пролетарского движения и пролетарской литературы.

¹ Из «Резолюции по вопросу литературы в Китае» см. «Литература мировой революции», стр. 176.

Период 1928—1929 гг. в Китае является моментом борьбы литературных групп, как следствие расслоения китайской буржуазии и в связи с отходом части направо за крупной буржуазией, части же ее, — налево, в сторону пролетариата.

Бои, развернувшиеся по вопросу о пролетарской культуре, шли по двум линиям: по вопросу о создании литературной критики и о создании самих литературных произведений, стоящих на позиции пролетарской идеологии.

Для того, чтобы точнее уяснить ту картину, которую мы наблюдаем в Китае, необходимо вспомнить, что происходило у нас по этим же вопросам, и тогда станет ясна позиция китайских писателей из так называемого левого блока, которые явились группой, стоящей на позиции новой пролетарской литературы Китая.

Вспомним, что в 1923—1924 гг. происходили большие споры о пролетарской культуре, о возможностях ее существования и роста. Троцкий в своей книге «Литература и революция» доказывал, что создать пролетарскую культуру невозможно, исходя из того положения, что пролетариат свою диктатуру мыслит как кратковременную переходную эпоху. Троцкий ставил вопрос так:

— «Может ли пролетариат за это время создать новую культуру?» Он считал, что раз годы социальных революций будут годами ожесточенной классовой борьбы, то и главная энергия пролетариата будет направлена на завоевание власти и ее удержание. С другой стороны, он полагал, что чем благоприятнее будут условия для культурного творчества, тем больше пролетариат будет растворяться в социальном общежитии, освободившись от своих классовых черт, т. е. перестав быть пролетариатом. Другими словами, по его мнению, в эпоху диктатуры о создании новой культуры не приходится говорить. А то ни с чем в прошлом несравнимое строительство, которое наступит, когда отпадет необходимость в диктатуре, не будет уже иметь классового характера. Отсюда Троцкий делал вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет. Эта точка зрения Троцкого получила должный отпор и, как мы увидим дальше, эта позиция Троцкого подверглась такой же суровой критике и со стороны пролетарской литературы в самом Китае. Троцкий не учитывал, что процесс создания культуры идет одновременно с ростом классов, что отдельные элементы пролетарской культуры были уже тогда, когда внутри капиталистического общества складывались первые отряды будущей пролетарской диктатуры.

И в дальнейшем, по мере того как рабочий класс начинал перестраивать общество, эти элементы пролетарской культуры постепенно развивались и готовили ее дальнейший рост.

Левацкая точка зрения Троцкого практически приводила к положению о ненужности и невозможности для пролетариата овладеть наследием прошлого и создать свою культуру, к выдергиванию культурной почвы из под ног растущего пролетариата, и, в сущности пыталась направить революционный рост в русло контр-революционной практики.

Точке зрения Троцкого, по существу глубоко реакционной, противопоставил точку зрения В. И. Ленин, который четко поставил актуальнейший вопрос освоения культурного наследия прошлого, и дал генеральную концепцию понимания пролетарской культуры, как культуры пролетариата в период его диктатуры, в период борьбы с капиталистическим миром за построение бесклассового общества.

Владимир Ильич Ленин в своей статье «Задачи союза молодежи» писал, что «пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда», что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человек выработал под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».

«Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной науки, напротив, усваивал и перерабатывал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнее развитие человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, руководимая практическим опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры»¹.

Посмотрим, как же в Китае проходили эти вопросы о создании пролетарской культуры, как проходило так называемое движение за левый блок, которое есть по существу движение за пролетарскую культуру и пролетарскую литературу.

В 1928 г. в литературных кругах Китая вспыхнула ожесточенная борьба после того, как группой «Творчество» — Чуан-Цзао² был выкинут

¹ Из проекта резолюции, составленной В. И. Лениным на 1-м Съезде пролетарской культуры в 1920 г.

² 創造.

лозунг о создании революционной литературы. Различные литературные группы вроде «Юй-сы»¹ — представители буржуазии, «Синь-юе»² — представители феодальных прослоек и другие единым фронтом выступили против группы «Творчество».

Начиная с весны 1928 г., борьба приняла ожесточенный характер, и в результате этой борьбы в печати появилось не менее сотни с лишним статей.³

Рассмотрим установки группы «Творчество», являющейся выразителем взглядов пролетарской литературы.

Виднейшим представителем этой группы явился писатель Чэн-Фан-у⁴, который в своей статье «От литературной революции — к революционной литературе»⁵ дал основные установки, которые сводились к следующим положениям:

— «В революцию 1911 г. мы наблюдаем поражение демократической революции против феодализма и нажим империалистов. А это привело к тому, что часть интеллигенции поставила целью просветительное движение за новую буржуазную культуру. Однако для этого нужна будет новая речь, и отсюда вытекает движение за новый язык».

Чэн-Фан-у рисует картину исторического расхождения языка и письменности и говорит, что:

— «Идеи капиталистического общества, как содержание, не укладывались в литературные формы языка. Ход литературной буржуазной революции развивался в порядке сначала отрицания старой феодальной идеологии, а затем привлечения новой буржуазной литературы. Но оба эти процесса были половинчаты».

Проф. Ху-Ши, являвшийся лидером «литературной революции», не доделал поднятую им шумиху отрицания старой идеологии и старого языка и спрятался в прежнее гнездо, а полумертвая буржуазия осуществляла новую идеологию только наполовину.

¹ 語絲.

² 新月.

³ Борьба велась главным образом на страницах следующих журналов: 語絲, 北新, 小說月報, 新月, 創造月刊, 文化批判, 太陽月刊, 流沙, 無軌列車, 現代文化, 民間文化 и т. д.

⁴ 成仿吾.

⁵ 從文學革命到革命文學.

Именно тогда на арену выступает группа «Творчество», и начинается борьба без полумер.

«Говорят, что группа «Творчество» — это романтизм и сентиментализм. Но это только частичная характеристика. Группа «Творчество» являлась представителем мелкобуржуазной революционной интеллигенции, а романтизм и сентиментализм — это ее специфика, не роняющая революционности. И именно эта группа продолжала борьбу за новую литературу».

Касаясь вопросов перспектив литературной революции, Чэн-Фан-у формулирует её следующим образом:

— «Капитализм пришел к последнему этапу и находится в стадии империализма; перед глазами развивается мировая революция. Под нажимом капитализма и феодальных пережитков мы начинаем нашу национальную революцию. А наша литературная революция, которая является частью освободительного движения, все еще спит. Мы отстаем от эпохи. Мы в мелкобуржуазной среде. Если мы хотим выполнить долг революционной интеллигенции, то мы должны путем самоотрицания стать на классовую позицию рабоче-крестьянских масс. Другими словами, наша литературная революция должна стать революционной литературой».

В декларации, выпущенной группой «Творчество», призывающей к образованию левого блока писателей, говорится следующее:

— «Капитализм уже пришел к последнему дню. Мир разделился на два лагеря — на одной стороне последняя цитадель капитализма — фашизм. На другой стороне — объединенный фронт рабочих и крестьян всего мира.

Сотоварищи, в целях борьбы мы должны объединиться! Это долг работников искусства. Никто не может оставаться в середине. Или ты идешь туда, или — сюда. Нельзя плестись в хвосте и ни в коем случае нельзя отставать.

С полной сознательностью присоединяйтесь к социальной революции. Всеми силами держитесь за диалектический метод, потому что только материалистическая диалектика даст вам настоящее руководство, даст вам побеждающее оружие. Сломите свою мелкобуржуазную природу. Повернитесь спиной к сходящему классу и смело идите к восходящим рабоче-крестьянским массам.

С отчетливым сознанием делайте вашу работу.

Отбрасывайте яд буржуазной идеологии, просачивающийся в массы. Оберегайте массы. Вдохновляйте их, поддерживайте в них веру в себя.

Не забывайте, что вы стоите на передовых линиях фронта.

С полной искренностью описывайте все, что вы увидите на поле битвы: и отчаяние рабоче-крестьянских масс, и их героические поступки, и радость их побед.

Только таким образом вы добьетесь конечной победы.

Революционная интеллигенция, объединяйтесь!

Не скорбите о потерянных цепях».

В ответ на эту декларативную статью Чэн-Фан-у, полагающую основы для создания революционной пролетарской литературы, контратаку повела мелкобуржуазная группа Юй-Сы, отражающая растерянность мелкой буржуазии после поражения революции в 1927 г.

Главнейшим противником является лидер этой группы Лу-Синь.¹ В связи со статьей Чэн-Фан-у «От литературной революции — к революционной литературе», в связи с движением, поднятым в Шанхае за пролетарскую литературу, Лу-Синь² едко нападает как на него, так и на других пролетарских писателей—Фын-Най-чао и Ли Чу-ли за их крайнюю точку зрения и за их лозунг: «Если не за революцию, значит — против».

Точка зрения Лу-Синя чрезвычайно типична для буржуазии. Он стремится показать якобы бесклассовую литературу, а с другой стороны заявляет, что только пролетариат может создать пролетарскую литературу, т. е. в конечном итоге на практике смыкается с точкой зрения Переверзева. За точку зрения о классовости литературы на группу «Творчество» нападают и другие представители той же буржуазной группы писателей, например писатель — Бин-Чань,³ который говорит следующее:

— «Лозунг «литература — классовое орудие» — это не есть изобретение наших революционных критиков. Это провозгласила русская группа «На посту», которая говорила, что:

— «Если литературное произведение, безразлично чего бы оно ни касалось, не есть оружие для пролетариата, то оно есть оружие контр-революционных классов».

«На самом деле это не соответствует действительности. Я не знаю, какого класса оружием являются драмы Шекспира, «Фауст» — Гете и его

¹ 鲁迅.

² В статье: 醉眼中的矚矚.

³ 冰禪.

же «Страдания Вертера», Шелли или Достоевский. Наоборот, мы знаем, что такие произведения, затрагивающие революцию, как: «Конь вороной» — Ропшина, «Рабочий Шевырев» и «Санин» — Арцыбашева, вряд ли могут быть оружием какого-нибудь класса. Зато, храня в себе правду искусства, они всегда и вечно будут волновать нас. Отринутые революцией произведения Андреева будут нас волновать именно из-за их ценности как произведений искусства.

«Я могу дать еще пример: О «двенадцати» — Блока Троцкий говорил, что это — не революционные стихи, но в то же время Троцкий утверждает, что «двенадцать» останутся в веках и будут бессмертны вместе с «Октябрем». Если это — не революционные стихи, то как же они могут быть вечны? Могут быть вечны потому, что Блок глубоко и правдиво описал тогдашнюю Россию».

Явное недопонимание и софизм всех этих «доказательств» совершенно очевидны.

Стремление обосновать бесклассовость, «общечеловечность» литературных произведений, по существу являющихся выразителями более чем определенной классовой точки зрения — Арцыбашев, Андреев с их упадничеством под флагом грубого эротизма у одного и буржуазного символизма у другого, Ропшин с его анархическим буржуазным бунтарством и мещанским индивидуализмом, приведшим в конечном итоге автора в лагерь контр-революции, — все это противоречит реальным фактам, а приводимая бесклассовая точка зрения на искусство в действительности является типично классовой буржуазной точкой зрения, стремящейся под лозунгом «общечеловечности» помешать революционному классовому расслоению, отстоять буржуазный порядок перед лицом надвигающейся пролетарской революции. Ссылка же на Троцкого, как на лучшее доказательство справедливости буржуазного высказывания об отсутствии классового характера в литературных произведениях — говорит сама за себя.

Невозможность существования классовой литературы автор доказывает еще и тем, что, по его мнению, в Китае классовых сдвигов не произошло, что в Китае все еще, как он называет — «эпоха А-Q»¹, что крестьянство

¹ В 1924 г. Лу-Синь выпустил свою повесть «阿 Q 正傳», явившуюся большим литературным событием. В этой повести Лу-Синь рисует сумрак китайской деревни с темнотой и косностью феодальных пережитков. Перевод этой повести существует на русском языке, в изд. «Прибой». Лу-Синь. «Правдивая история Акэя». 1929.

якобы не пробудилось, поскольку над Китаем все еще витают тени Цзэн Го-фая, Ли Хун-чжана, Хун Сю-цюаня и Юань-Шикая.

Но, если, заняв позиции протеста, группа Юй-Сы впоследствии полностью сдала свои позиции и вместе с Лу-Синем вошла в левый блок, то совершенно иначе выглядит реакционное выступление группы Сянь-Юэ «Новая луна».

В декларации этой новой помещичьей группы эпиграфом стоит цитата из Библии:

— «И сказал бог: да будет свет, и стал свет».

В елейном тоне эта декларация говорит о гибели культуры, об анархических элементах, обманывающих народ. «Слова о свободе, которые провозглашают левые группы, — только вывеска продавца, увлекающего доверчивого покупателя. Сейчас — тьма, но будет свет и уже брезжит заря чистой идеи, перерождающей человечество».

Профессор Ху Ши, смыкающийся с этой группой, выставляет теорию чистой интеллигенции и над-человечества, провозглашает борьбу с дьяволом, под которым понимается революция, а Сюй Чжимо из этой же группы пишет феодальные пьесы, стараясь уйти от угрожающей волны нового революционного подъема.

Впоследствии Гоминьдан, опираясь на эту реакционную группу, выдвинул лозунг «национальной литературы» и повел ожесточенную борьбу с левым блоком. В этой развернувшейся классовой борьбе на литературном фронте окончательно создается и укрепляется левый блок — ассоциация китайской пролетарской литературы и критики.

2 марта 1930 г. на подпольном собрании в Шанхае, где участвовало больше 50 пролетарских писателей и попутчиков, было положено начало этого пролетарского объединения.

Левый блок выявляет себя уже революционной организацией. Он участвует в политической кампании, в подготовке Всекитайского Съезда советов и в журналах «Массовая литература», «Южная страна», «Современная беллетристика» и других. Писатели и критики левого блока выступают за расширение влияния пролетарской литературы на массы, выступают за создание идеологически выдержанной марксистской критики, привлекаемая на страницы журналов рабочих и сельских корреспондентов.

В 1931 г. на страницах журнала «Массовая литература»¹ появились

¹ 大衆文藝.

две интересных статьи, которые позволяют нам ознакомиться с точкой зрения на пролетарскую литературу и на пролетарскую критику.

Автором статьи,¹ касающейся литературы, является писатель Хэ Дабо,² который говорит следующее:

— «Новое движение в китайской литературе возникло в половине 1927 г. С момента китайской революции было много литературных движений. Но все это были движения отдельных группировок, как, например: романтиков, реалистов, по существу мало отличающихся одна от другой. Движение же 1927 г. было уже новым. Это было движение за литературу в целом под тремя идентичными названиями, а именно: «За революционную литературу», «За возрождение литературы» и «За пролетарскую литературу».

Автор стоит на той точке зрения, что новую литературу нельзя назвать революционной литературой, потому что такое понятие очень расплывчато и под него подойдет литература, иногда ничего общего с революцией не имеющая — литература голого протеста и криков.

«В России — утверждает автор — политическая власть является властью класса. Классы еще существуют, и литература там еще классовая. Взяв в свои руки власть, русский пролетариат борется за утверждение своей классовой пролетарской литературы.

Что же касается других государств, где пролетариат еще не взял политической власти, то и там формируется пролетарская литература. В случае, если мы применим термин «революционная литература», все равно к нему необходимо определение уточняющее и ограничивающее».

Далее автор утверждает необходимость введения термина «новая литература», доказывая это тем, что поскольку пролетариат является в мире новым классом, постольку такое название есть не более и не менее как название для литературы пролетарской.

— «Для нас очевидно, — пишет он, — что наша новая литература, т. е. литература пролетарская, является литературой классовой, и отсюда возникают два вопроса — может ли быть классовая литература и как рождается такая классовая литература.

То, что литература классовая, большинство наших критиков и литераторов отвергает и признает лишь национальность или принадлежность к эпохе. Но это утверждение по существу является их собственным клас-

¹ 中國新興文學的意義.

² 何大白.

совым заказом на непризнание. Литература организует общество путем воспроизведения образов, настроений и мыслей и обществом же порождается. Литература неотделима от общества. А пока общество не пришло к бесклассовому равенству, в нем существуют классы, и следовательно литература, служащая классу и рождающаяся из него, не может не быть классовой. Поскольку мы признаем, что литература классовая и выражает идеологию класса, постольку новый, выходящий на арену истории класс — пролетариат имеет и свою новую классовую литературу, выражающую его идеологию.

Китайская новая литература не есть продукт личного творчества. Она основана на глубоких общественных корнях. Нужно выявить корни этого общества, а для этого — анализировать и самое общество.

Китай является полукOLONиальной страной, в которой развивается капитализм и в которой рождается пролетариат с новой идеологией, стремящийся к созданию литературы, выражающей эту новую идеологию. Феодальная идеология в Китае уже умирает, а буржуазия не имеет сил и не может захватить общество своей идеологией и создать свою новую литературу. Мелкая буржуазия пришла к своему концу. Ее идеология уже не обладает силой подчинять массы.

Буржуазная литература декадентна и реакционна. Она не имеет ни нового содержания, ни новой формы. Это ясно всем и научно обосновано.

С другой стороны, во многих странах развивается пролетарская литература и ее успехи воодушевляют отсталый Китай.

Мировая буржуазная литература была упадочной уже в конце XIX века.

В Китае, после движения 4 мая, родившаяся буржуазная литература уже с самого своего возникновения не имела революционности и вскоре она расслоилась. Часть ушла в эстетизм, на дорогу реакции, другая же часть пошла по революционному пути.

Революция углублялась с каждым днем, и вопрос о связи литературы с революцией стал перед писателями и критиками. Однако в то же время это была только относительная революционная организация, в которой было много уклонов таких, как морализм, символизм и т. д.

Сейчас же положение изменилось, и показали ясно и отчетливо пролетарские позиции. Есть много революционных литературных объединений, которые идут по линии перехода к новой пролетарской литературе, и на этом фоне совершенно мертвой остается китайская буржуазная литература, сходящая со сцены вместе с мировой буржуазной литературой.

Только пролетарская литература, воспринявшая боевой антиимпериалистический дух от движения 4 мая, и только она одна может сменить литературу буржуазии.

Нами проведена большая работа, что бы ни говорили враги о том, что за два года новое литературное движение ничего не дало. Нами дано много критических статей по принципиальным вопросам. Критика стала оружием борьбы, чего не было в старых критических статьях.

Началась новая переводная работа, новая рекомендация переводов китайской пролетарской литературы.

Цели, стоящие перед нами на сегодняшний день, огромны. Это вопросы теории, которых не разрабатывала буржуазная литература, это борьба с буржуазными писателями, которые имеют за собой историю; и с ними нужно вести упорную борьбу за место для новой литературы.

Так как новая литература связана с мировой пролетарской литературой, то и в Китае воспринимаются все вопросы и их разрешение из этой мировой пролетарской литературы.

Простые переводы для нас недостаточны. И, следовательно, в будущем будет много вопросов, которые необходимо разрешить самим.

Мы должны вести беспощадное наступление на буржуазную литературу и ее апологетов.

И хотя мы и имеем сейчас критерий для нашей новой пролетарской литературы, но он еще узок, его нужно развить, а с другой стороны надо переоценить так называемую массовую литературу феодального периода, превознесенную буржуазией, — так называемый народный роман,¹ который попросту служит орудием усыпления масс. Мы должны бороться против феодальной идеологии.

Наконец, в нашу задачу входит установление близкой связи с новой пролетарской литературой мировой. Помимо всех этих вопросов, которые были уже в свое время поставлены и которые мы только продолжаем, перед нами стоят и новые задачи, как, например: оформление новых литературных произведений, популяризация и т. д.»

Другая статья в том же журнале «Массовая литература», автором которой является Чжу-Сю-ся,² касается вопроса новой литературной критики.³

¹ 紅樓夢, 水滸傳, 三國志, 施公案 ■ др.

² 祝秀俠.

³ 新興文學批評觀的一斑.

Эта статья дает нам богатый материал для суждения о постановке литературной пролетарской критики в Китае в наши дни.

Ставя задачу создания новой критики, автор говорит, что литературная критика XVIII и XIX веков была критикой индивидуалистической, критикой романтиков или классиков и представляла собой вкусы аристократии и буржуазии.

— «В нашу же эпоху, — говорит он, — когда буржуазия гибнет, а пролетариат подымается, строя великое общечеловеческое дело, и литература и литературная критика должны идти вперед, отбрасывая старые одежды.

— «Каждый класс строил свою культуру в процессе своего создания. Свою культуру и литературу строит и пролетариат, и они являются выражением его классовой борьбы. Литература есть составная часть культуры, а литературная критика способствует развитию литературы. Вместе с тем она стоит на утилитарной классовой позиции и способствует использованию того, что нужно из искусства прошлого, организуя в этом направлении силы писателей.

— «Вместе с рождением новой пролетарской литературы рождается и необходимая новая критика, которая есть критика марксистская, которая есть критика научная и материалистическая, ничего общего не имеющая с прежней индивидуалистической импрессионистической критикой». Указывая на таких критиков, как Луначарский, Воронский, и др., разбирая их и критикуя, автор указывает, что кроме них есть много и других деятелей марксизма, не исключительно занимающихся литературой, но указания которых по литературе должны войти в фундамент новой пролетарской критики. Сюда он относит статьи Ленина о литературе и Бухарина. На этом базисе строится новая литературная критика Китая, задачи которой разбиваются на 4 отдела: 1. Какова должна быть международная критика. 2. В чем задача новой критики. 3. Каков объект критики. 4. Каковы методы новой литературной критики. По вопросам о том, какова должна быть новая литературная критика, автор говорит, что коль скоро литература есть продукт определенного художника, определенной эпохи и среды, коль скоро он имеет связь, тесную связь и с обществом, и с классом, и с экономикой, то, естественно, что она отображает в своих произведениях общественные тенденции и классовую психологию. Отсюда вытекает, что и критик должен исследовать литературу с общественной стороны, изучить

эпоху, политическое состояние общества данной эпохи и критиковать, исходя из классовой точки зрения, определяя, из какого класса происходит данная литература, из какой классовой группы. Вместе с тем нужно анализировать и психологию класса, к которому принадлежит автор. Нужно выяснить, что диктовало ему появление данного произведения, и только тогда можно установить общественный смысл произведения.

— «Поскольку литература есть произведение общества, — говорит автор, — то и подходить к нему следует с социологической точки зрения».

— «Критика имеет свои обязанности перед писателем, но имеет их и перед читателями. Критика должна рекомендовать и объяснить читателям литературное произведение, а отсюда ясна и ее воспитательная роль. Она должна говорить с пролетарских позиций».

В чем задача новой литературной критики? На этот вопрос автор отвечает так:

— «Кроме анализа, критика должна определить ценность литературного произведения. Нельзя забывать, что критик — это творец, это — боец за дело пролетариата и, следовательно, задача новой литературной критики — это помогать новому пролетарскому литературному движению.»

По вопросу об объекте новой литературной критики автор указывает, что необходимо использовать из старого наследия искусства все силы, помогающие новому, и отбросить то, что вредит новой организации. Нужно помогать движению и завершению новой литературы, определяя правильное направление этого движения.

Что же касается методов новой литературной критики, то они направляются как на вскрытие содержания, так и на формы произведения. В содержании вскрываются общественные тенденции, связь с определенными общественными группами и определяется ценность произведения в зависимости от помощи, оказываемой пролетарскому движению.

Что же касается формы, которая определяется содержанием, то новое содержание имеет и новую форму. Форма и содержание связаны друг с другом. И критика должна показать читателю наиболее яркие образы, извлекая из произведения отраженные в новой форме возможности, но в то же время показывая и эстетические ошибки формы».

Таковы в общих чертах взгляды на пролетарскую литературную критику Китая.

Из постановлений и деклараций левого блока мы видим ту классовую линию, которой придерживается движение «за пролетарскую литературу», и мы знаем также те задачи, которые ставит китайская секция МОРП¹ перед китайской пролетарской литературой. Перед пролетарским литературным движением Китая стоит задача:

1. Развить работы с рабочими и начинающими писателями из рабочих с тем, чтобы превратить пролетарское литературное движение в массовое рабочее движение.

2. Популяризировать пролетарскую литературу, добиваясь все большего влияния ее на массы.

3. Усилить борьбу с так называемой национальной литературой и другими реакционными явлениями.

4. Укрепить свои журналы и организации, обеспечить должным коммунистическим руководством, особенно в области литературной теории и критики, непримиримо борясь со всеми видами произведений ликвидаторского характера, с ликвидаторством, особенно опасным в данный момент, и с левым фразерством.

5. В своих произведениях и журналах усилить антиимпериалистическую пропаганду, пропаганду аграрной революции, дать освещение жизни советских районов, Красной армии, партизанского движения и т. д.

6. Оформиться как китайская секция МОРП¹. Должна быть усилена информация о китайском пролетарском литературном движении в международном масштабе.

7. Развить селькоровскую сеть в крестьянских районах, особенно в советских, выдвигая начинающих писателей из крестьян.

В ответ на укрепление движения «за пролетарскую литературу» в Китае Гоминьдан усилил репрессии, учитывая политические стороны борьбы левого блока.

Эта борьба против революционных писателей включала в себе все методы, начиная от цензуры и кончая расстрелом. По этому поводу можно привести выдержку из декларации китайских писателей левого блока в связи с убийством целой группы революционных писателей.

— «Товарищи! Гоминьдан в своем стремлении раздавить движение за революционную культуру самым низким и самым подлым способом убил нескольких революционных писателей.

¹ Международное объединение революционных писателей.

Товарищи Ли Вэй-сэнь, Жоу-ши, Ху Е-бинь, Инь Фу и Фын Гэн 7 февраля были тайным образом частью зарыты живыми, частью же расстреляны в помещении штаба охранных войск в Лун-Хуа (в Шанхае).

Гоминьдан еще до убийства наших революционных писателей всячески притеснял движение за революционную литературу, запрещал печатать, арестовывал писателей, опечатывал магазины; в то же время нанимал всякий сброд, шпиков, литературные подонки, организуя движение за литературу трех принципов¹ — за литературу националистическую, думая, что таким образом можно уничтожить революционное движение левого крыла. Но это было безрезультатным. Тогда убивают наших писателей, но и это оказывается безрезультатным, потому что движение за пролетарскую революционную литературу соединено воедино с революционным движением трудящихся масс, соединено с движением за советскую власть.

Но разве может Гоминьдан уничтожить советское движение революционных масс? Убийство наших писателей только подтверждает, как велики силы нашего литературного движения, которое составляет часть революционного движения».

Но никакие репрессии не могли остановить ту большую политическую работу, которую вели революционные писатели. Мы имеем более 80 человек членов левого блока, которые, стоя на позициях литературы, как классового орудия, поднимают свой голос и по поводу белого террора и по поводу маньчжурских событий, демонстрируя силы класса, представителями которого в литературе они являются.

В связи с современным этапом развития революционного движения в Китае в стадии борьбы за советы, в Китае существуют две литературы — буржуазная со всеми ее модификациями и другая — пролетарская.

В период ожесточенной классовой борьбы чрезвычайно показательны те мотивы, которые характерны для каждой из этих литератур.

Если мы обратимся к произведениям современной буржуазной литературы, то основным мотивом будет: «лишний человек», «психоанализ по Фрейд», «сексуальные проблемы буржуазного общества», «национальный шовинизм», «беззубый протест против колониального состояния», «призыв назад к древности», «стремление к надмирности», «проблема сверх-человека», «воспевание дворянских гнезд» древнего Китая, «ура-патриотизм» и травля революционного движения.

¹ Три принципа сунятсенизма: национализм, демократизм и социализм.

Если мы просмотрим произведения пролетарской литературы Китая, основным мотивом являются анти-гоминьдановские памфлеты, «фабричная жизнь», «милитаристы и их произвол», «советские районы», «освобожденная трудовая женщина», «революционный энтузиазм», «белый террор», «империалисты и интервенция», «быт рабочих и крестьян», «грядущая социалистическая революция», «советский Союз и его жизнь», «классовая борьба» и т. д.

Одно сравнение, хотя бы в отрывках, той и другой литературы в достаточной степени выявляет то, что было так верно подмечено китайскими писателями и критиками левого блока — это сходящий со сцены буржуазный класс и растущий и крепнущий пролетариат.

Буржуазная писательница Бин-Синь¹ в своем рассказе «Былое» пишет: — . . . «Дерево моей короткой жизни по сукам постепенно подсекается, и круглые листья накапливаются на лугу моей юности. Я собираю их один за другим, смотрю, тая слезы, смотрю, тая улыбку. . .

Первый сочный лист — это море. К западу от моря, к востоку от гор — там дерево моей жизни пустило ростки, впитывая горный ветер и морские волны. . . На этом листе узоры бесчисленных радостей, узоры детского веселья, узоры покоя. . . Брось его, не вспоминай. . .

Второй сочный лист — это зеленая тень. На этом листе тайные цветы жизни, вспыхивая, являются от этой тени зеленой. Сочно-красные, бледно-белые, невыразимые. . . Вечерние тени, тени утреннего тумана, отсветы мерцающих звезд, зеленые тени у оранжерей в лунные ночи. . . Благодаря эти извивные горы, они дали мне много мыслей.

Третий сочный лист — не море, не зеленая тень, не знаю что. . . Если жизнь не имеет вкуса, я не хочу грядущей жизни. Если жизнь имеет вкус — довольно и этой жизни».

— «. . . — жду, . . . жду, . . . а мать все не возвращается.

Мамка у лампы мигает усталыми сонными глазами: Говорит:

— Будет тебе спрашивать меня. . . Пойди наверх, посмотри с балкона. . . если в горах покажется два красных фонаря — значит мама скоро придет. . .

Поверив, я открываю дверь, выхожу, и в темноте поднимаюсь наверх. . . взглянуть, есть ли что новое. Обхожу балкон — прямо передо мной черное море и мигающий маяк. . .

¹ 冰心女士.

Я считаю вспышки огня, считаю до восемнадцати. И я сомневаюсь в неизведанной судьбе?

Жизнь человеческая! Миганье маяка в море... Огонь судьбы зажегся, свет любви дважды сверкнул красным огнем из гор...»

Другой буржуазный декадент — Юй-Да-фу¹ в своем рассказе «Водоворот» дает следующие строки:

— «Когда служанка вышла, он встал и раздвинул бумажное окно — и снаружи ворвался свежий воздух... Море в заливе спокойно кольхалось перед ним. И морские волны бежали одна за другой под легким ветерком, отсвечивая в лучах солнца золотой рыбьей чешуей. Он взглянул на запад — солнце было почти над горизонтом. В мыслях он никак не мог расстаться с этой девушкой. Аромат ее тела, ее рта... неотстанная дума. И он понял, что все его поэтическое настроение было фальшивым, реальным же были лишь мысли о ее теле...»

Терзаемый внутренним разладом перед смертью, герой говорит: «родина, о родина! Скорее окрепни и разбогатеи. Сколько еще у тебя детей твоих страждущих».

Не менее характерно и такое место из рассказа «Холодный пепел» того же писателя.

— «В короткий зимний день, к шести часам улицы города приобрели совершенно ночной колорит. На самой оживленной главной улице, по обеим сторонам, в лавках зажигалось электричество, и хозяева, чавкая набитыми после ужина ртами, истуканами стояли у прилавков, глаза на прохожих. Когда проходила женщина, они начинали перешептываться и хихикать. Впервые приехавшие из деревни, держа в руках чубуки, медленно шагали по узкой улице, глаза по сторонам. Со звоном мчались рикши, крича уступить дорогу, ругаясь и рискуя задавить... И если в коляске сидела женщина или гетера, они кричали еще громче, бежали еще быстрее, увы, для них кроме этого удовольствия, оставались только многочисленные публичные дома...»

В узких, кривых переулках квартала чайных домов, где как-раз в это время скоплялись рикши, в пепельно-желтых лучах света появлялись оживленные тени... И когда посыльные из ресторана приносили узенькие пригласительные записки, все эти утоляющие, согласные, живые будды

¹ 郁達夫.

превращались в блестящих женщин, садились на рикш и улетали на приглашение.

На улицах квартала ресторанов по обеим сторонам стояло несколько сбитых в кучу рикш, воздух наполнял аромат поджаренного в масле мяса и рыбы, и он увлекал гуляк-буржуа, которые направлялись пить вино и сидеть с девицами. В окнах некоторых ресторанов просвечивали силуэты мужчин и женщин, и тоскливые звуки флейт и хуцинь вместе со звонкими голосами раздавались в холодном пепельно-желтом воздухе».

Усталость, разочарованность и ипохондрия характерны почти для всех современных буржуазных писателей. Таков писатель Ни И-дэ¹ с его рассказом «Возвращение на родину»:

— «... Ты можешь идти по этой дороге, ибо там есть колокол, который звонит в полночь и в сумерки... Услышавший звуки его, забывает о прошлом. Эти звуки гасят несбывшиеся надежды, и все мирское становится миражем, небытием, как дым голубой...».

Или с его рассказом «Думы осенней ночью».

— «... И действительно, что в человеческой жизни не является химерой... До конца рассуждая, кто из нас с момента рождения и до смерти не бывает одинок, не идет своим пустынным путем... Счастье и горе в сущности едины, едины, когда они в прошлом, — где тогда различие между ними? Вот веселое сборище, когда действительно ощущается веселая молодая радость, полностью; но когда вино опустело в чашах, разве не идет каждый своей дорогой?... О, что любовь, что деньги!..

Все в человеческой жизни фальшиво, и только холодное одиночество таит подлинный вкус этой жизни...»

И, наконец, его рассказ «Письмо из деревни»:

— «... В желтые сумерки или ночью в позднюю осень, когда мир молчит, если ты один в пустынной комнате вдруг услышишь из далекого храма доносящийся звон колокола, ты ощутишь грани странного, и сердце твое погрузится в звуки этого колокола. Хуан-Чжун-цзэ, гениальный и несчастный поэт, когда-то описал это чувство.

«За двадцать лет испытанная скорбь единым звуком колокола в горном храме развеяна...»

¹ 倪貽德.

Да, воздействие звона колокола древнего храма на людей именно в этом ощущении. Помню, как я в тот год одиноко ночевал на террасе Чжао-Дань, на террасе «Озаренного сердца» и в ночи услышал вечерний звон, доносившийся из приозерного храма Чистого Милосердия. И я почувствовал свою иллюзорность, словно я стал прозрачным облаком или престарелым монахом; и я и все вокруг ушло в небытие, остался лишь мир прозрачной пустоты...»

У него же в рассказе «Вечерний дождь на реке Цинь-Хуай» мы находим характернейшие строки:

— «Я пишу... потому что я недоволен страданиями в реальном и я хочу в мире искусства воздвигнуть воздушные замки, я молю мою воображаемую возлюбленную утешить меня в одиночестве моем... Реальное общество это — клетка, из которой трудно вылететь, — это тюрьма, воспрепятствующая мыслить... Но в райском саду искусства — там легка свобода... Из народов мира любой может совершать туда полет, чтобы радоваться и наслаждаться...».

Таких примеров можно было бы привести тысячи. Ограничимся хотя бы такой цитатой из произведения Юй-да-фу «Лишний»:

«... Вспоминая, я чувствую, как длинна моя жизнь за двадцать с лишним лет... Чего я еще не сделал?... Детей родил, жену имею, книги читал, несколько раз выдерживал экзамены; плакать — плакал, смеялся тоже. Развратничал, азартничал, гневался, бывал обманут... все попробовал. Чего я еще не сделал... Постой, дай мне подумать, есть ли что-либо, чего я еще не испытал... Умирать — не умирал... да, еще радости отомщения врагам я не знал. И еще не сидел в тюрьме. Увы, но ведь, если и это я испытаю, что останется тогда... Пустота...»

Если в противовес всем этим буржуазным писателям мы возьмем произведения китайской пролетарской литературы, то бьет в глаза полная противоположность буржуазному унынию и растерянности. В качестве примера можно взять хотя бы такое произведение пролетарской писательницы Фын-Гэн как «Красный дневник».¹ Фын-Гэн была расстреляна Нанкинским правительством за свое участие в советском движении. Но оставшиеся от нее произведения, учитывая некоторые ее погрешности — ее

¹ 馮鏗. 紅日記.

интеллигентский сентиментализм, тем не менее представляют образец современной пролетарской литературы.

Ниже привожу несколько слов из этого ее произведения:¹

28 мая.

«Отрываю плотную обложку с отпечатанными на ней разными там проклятыми «Завещанием», «Портретом»² — отрываю половину, уже замаранную тушью, — и дневник сразу превращается в начисто белую тетрадь, с разметкой дней.

Прекрасно! Я тотчас хватаю самопишущее перо с потертым наконечником и на первом листе вывожу два крупных слова: «Красный дневник», а внизу наискось подписываю свое имя: Ма Ин.

Хо-хо! Ты будешь мне хорошим другом!

Вместе с этим ружьем, которое для меня что жизнь, еда и кал — все связано вместе!

Хо-хо! Милый! Мой любовник и мой ребенок! А разве не так? Раз это ружье тяжелой силой и огненной страстью властвующее над человеком давно уже стало мне любовником, так разве не ребенок для меня этот белый дневник, который сохранит мои слова, обращенные к нему?

А лучше не говорить этих пышных слов!

Какой там любовник, какой ребенок? Смотри!

Мы отряд огня и железа, мы — мозг Красной Армии; в глазах у нас только одно: брызжа свежей кровью с давящим с правящим классом схватиться на жизнь или смерть: Эх, веселая жизнь! часа в три утра, не пролив напрасно ни капли крови, мы забрали этот город Цзочэн.

Наши глотки онемели от крика, распухли в конец. Через день на общем митинге, ничего не поделать, опять придется, будет надо, надрываясь до смерти, говорить речи.

Омертвелый город Цзочэн надо раскачать криками пожарче, — так стоит ли считаться с тем, что глотки болят!! Важно только одно — пусть крик будет резким, как разрезаемое стекло! Все мы от радости прямо помираем. Товарищ комполка хохочет и отплясывает, хватаясь за ящички с патронами, которые нам так нужны. Его усы прижимаются к ним и мне все кажется, что он хочет с ними целоваться.

А наши крестьяне-красногвардейцы притопывают, тыкают пальцами и в нетерпении кричат перед солью, холстом и другими вещами, которые заранее были припрятаны в этом городе. Но они все товарищи, они слушаются приказов представителя партии, они не смеют самовольничать с тем, во что тыкают пальцами, — и ждут дележа комитетом. А когда подходит товарищ,

¹ Полный перевод см. в журнале «Залп», 1932, № 5.

² Портрет Суянтсена и его последнее завещание, усердно рекламируемые Гоминь-даном, вплоть до помещения их на обложках школьных тетрадей.

который давно уже, тайно пробравшись в город, вел работу, раскачивающийся большеносый комиссар — представитель партии, подскочив к нему, заключает его в бешеные объятия, и такого хохота мы никогда в обычное время от него не слышали...

Несколько молодых товарищей из города, не привыкших к красным нашивкам, бегут впереди, а за ними следом идет напая ячейка — всего семь человек — обыскивать дома богачей. Часть их давно бежала, часть была захвачена, и напая обязанность только скучная регистрация всех припасов, которые можно раздать массам. Один из товарищей вытаскивает из ящика стола этот дневник и говорит:

— Разорвать его! Ни к чему не пригодная штука!

— Нет! Все, что можно использовать, мы сохраняем... мне как-раз нужна бумага записывать!

Тогда он, смеясь, передает мне.

Наверное какой-нибудь проклятый помещичий сынок пользовался; только взглянула на два-три оторванных листа и прямо померла от смеха — какая вся никчемная жизнь! Записана целая груда чепухи, но о сегодняшней большой битве не сказано ни слова. Тоже неудивительно, — я сама люблю царапать, что попало, но у нас за десять слишком дней не было ни минуты времени, чтобы спокойно писать, да и не найти было ни обрывка чистой бумаги — и вот сейчас как-раз пишу. В будущем несколько дней найдется, так что можно будет написать побольше!

... Они все храпят, любимые товарищи и ребята! Ладно, можно и мне прилечь! По правде сказать здорово устала. Забираю ружье и дневник и укладываюсь спать!

Какое сверкающее замечательное небо!

Сегодня вечером мы спим в притворе храма Конфуция в городе Цзочэне. Сегодня впервые не услышишь запаха горных трав и земли!

Да, надо еще записать, что и на этот раз военный план комиссара осуществился. Пять дней тому назад на горе К. он нам сказал, что мы проведем собрание, посвященное 30 мая, в городе Цзочэне.»

Таких иллюстраций литературных произведений представителей левого фронта можно было бы привести весьма много. Особо следует упомянуть двух писателей левого блока — Ху Е-бинь и Жюу Ши,¹ казненных одновременно с Фын Гэн. Жюу Ши пробовал свое перо преимущественно в области поэзии и является переводчиком советской литературы. Им переведены: М. Горький «Дело Артамоновых» и А. Луначарский «Фауст и город».

¹ 胡也頻 и 柔石.

Из его оригинальных поэтических произведений отличается революционная поэма «Кровь кипит»,¹ помещенная в траурном номере журнала «Аванпост»,² посвященном пятерым расстрелянным писателям, членам «левого блока» и которая начинается следующими строками:

«Кровь кипит, сердце горит
в эту ночь террора
он убит...
он убит в эту ночь
белого террора...
С ним было пятеро —
они составляли ряд,
с ним было пятьсот —
они составляли отряд,
с ним бесконечные тысячи —
мировой пролетариат...

...и знамя советов реет на горных хребтах всей страны!

Писатель Ху-Е-бинь создал чрезвычайно интересное произведение «Сожительство»,³ в котором освещается проблема брака в советских районах Китая и дается ряд жанровых зарисовок из быта советского Китая. В этом рассказе мы видим, как под влиянием развертывающейся революции меняется феодальный взгляд китайских крестьян на женщин и как по-новому строится жизнь на территории советов.

СОЖИТЕЛЬСТВО

Здесь у нас провинциальный город. Люди, которые здесь живут (за исключением нескольких помещиков, которые едят мясо), все крестьяне и круглые месяцы и годы едят только овощи. Крестьянская жизнь и горька и проста как у буйвола, который до пота работает в поле. Однако, теперь здесь совсем не то. Прежние озабоченные люди превратились в веселых и хлопотливых. А еще более веселы и хлопотливы женщины. Ведь раньше они без передышки во всех бедных домах возились над пищей, стиркой, кормили ребят и свиней, и, как заключенные в тюрьме, не видели для себя света; теперь же они — как птицы, взлетевшие на воздух. Их жизнь свободна, их не притесняют, на них не вваливают всего. А кроме того они не трепещут перед мужьями. Они могут

¹ 血 在 沸.

² 前 哨 —от 25 сентября 1931 г., № 1, вып. 1.

³ 同 居.

по собственной воле связывать свою жизнь с мужчинами. Они могут так же свободно с каким-нибудь товарищем обратиться в уездный совет, записаться и начать подходящую жизнь. Дети, которые у них рождаются, воспитываются сообща и незачем заботиться о них только одним женщиной.

Была здесь у нас одна женщина, жена Ван Да-бао — надо сказать, что у нее сейчас свое собственное имя. Зовут ее У-да-це, и в этом году ей минуло двадцать пять лет. В четырнадцать лет родители выдали ее замуж за Ван да-бао. Телом она похожа на мужчину, так же крепка, а на плечах может вынести коромысло воды

Лицо ее, сожженное солнцем энергично. Волосы свои по обыкновению свертывает в узел и втыкает в него красный цветок. Раньше она тоже была скована железным замком семьи, теперь же свободна и несет общественную работу — она член пахотного комитета и в то же время она успешная ученица в ленинской школе I-й ступени: она умеет читать газету, читать объявления, читать документы и разные записки и даже может зарисовать карандашом как сражается Красная армия.

Ее муж делал успехи вместе с ней. Раньше Ван да-бао ничего не понимал, и все его знание заключалось в том, что он знал, когда нужно сеять и когда жать, а теперь он уже разбирает, что такое «материализм», что такое «реакция» и что такое «революция». Он работает сейчас в земельном комитете и работает необычайно хорошо, и усердно. Это — человек прямой, как большинство наших крестьян здесь, и не умеет хитрить. С женой он обращался очень не плохо и жена в свою очередь обходилась с ним хорошо. Однако оба они чувствовали, что что-то у них не ладится. Уда-це чувствовала, что Ван Да-бао во многом с ней не сходится. Например: ей нравилось разводить баранов, а Ван Да-бао этого не любил; Ван Да-бао нравилось разводить свиней, а ей не нравились свиньи — и они часто из-за этих мелочей спорили.

Теперь, хотя Ван Да-бао во всем с ней соглашался и не рассуждал о кормлении свиней, однако они по-прежнему чувствовали, что их взаимные вкусы не сходятся, при чем понимали, что это вовсе не вопрос о баранах и свиньях — а вопрос характера.

И вот однажды, вернувшись из пахотного комитета, она заявила — «Ван Да-бао, я хочу тебе кое-что сказать». Он, полагая что это касается пахотного комитета, или же побед Красной армии, весьма весело ответил — «Пожалуйста, говори». «Мой разговор прямой» — начала она — «за десять лет ты обращался со мной не плохо. Конечно, ты тоже знаешь, что я обращалась, тоже нельзя сказать, чтобы дурно. Ты меня кормил, а я для тебя работала не мало: во-первых я для тебя работала по дому, во-вторых, я для тебя родила двух сыновей а только сейчас я хочу с тобой разойтись и решила завтра записаться с тов. Чэнь-минем».

Ван Да-бао слушал остоленело, и сердце колотилось; лицо его вдруг покраснело и стало серьезным. С трудом вытаскивая слова, он заявил: «Этого

ты не можешь сделать». — «Почему не могу? Ты что же, все еще думаешь, что сейчас время помещиков. Ты не забывай, что сейчас Советское время. Следовало бы тебе разговаривать получше».

Слова ее были правильные, и Ван Да-бао не мог оспаривать. Поколебавшись, он вдруг вспомнил: — «А почему ты хочешь со мной разойтись?». — «Да тут не много причин» — ответила она и покраснела. — «но только мне кажется, что с товарищем Чэнь-минем жить будет получше, чем с тобой. Советом это разрешено. Да ты не беспокойся. Если ты не можешь меня оставить, то мы в работе часто еще будем сталкиваться». Она весело вышла и торопливо стала собирать свои вещи. Ван Да-бао попрежнему остолбенело продолжал стоять о чем-то размышляя. Все время он глазами следил за ее спиной, раздумывая, что вот она сейчас уйдет от него, и чувствовал тяжесть. Он знал, что превращается в бобыля. Он подумывал о том, что если придется искать жену, то надо будет потратить много денег, а это было для него делом не легким, и он все время упирался в одну мысль — вот и превратился что называется, «в пустое коромысло». В эту ночь он не спал, хотя женщина лежала рядом с ним и все время говорила — «Спи. Когда посветлеет надо вставать на работу». Но он так и не заснул.

На второй день, закончив часть работы, он попросил на два часа отпуск и отправился разрешить этот вопрос в народный комитет. Председатель с желтой шапкой на голове сидел в приемной и что-то писал. Ван Да-бао подошел к нему как к знакомому и, протянув руку, заявил: — «Тов. Чжэн я сегодня пришел к тебе специально за советом». Председателю было года 24—25. Раньше он работал в Ухане маляром, а в революцию 25—27 гг. был пикетчиком. Хотя он и прошел через вооруженные стычки с войсками реакции, а потом работал в молодежной организации, на этот раз он был выбран председателем совета. «Здравствуй» сказал он поднявшись — «давай побеседуем»... и когда он пожимал руку, на лице его показалась забавная улыбка, а углы рта сморщились, как у человека, курящего папиросу. — «У меня есть дело», продолжая, сказал Ван Да-бао. «Тов. Чжэн, есть у тебя свободное время? Ты меня, наверно, помнишь — я работаю в земельном комитете, зовут меня Ван Да-бао, Когда-то я с тобой беседовал раза два относительно моей работы». Председатель снова с силой пожал его руку и дружески улыбнулся: «Верно, тов. Ван, мы виделись. Какое же у тебя дело?» — «Есть кое-что, мое личное дело, а только имеет отношение к совету. Я так полагаю, что имеет отношение... попросту говоря, моя жена хочет от меня уйти». — «А, теперь таких дел очень много» — сказал, смеясь председатель. «Это очень хороший признак». — «Правильно, это очень хороший признак, да только мне очень тяжело». — «Почему же?» — «Я с моей женой женат 10 лет. Родил двух сыновей. Старшему — 8, младшему 4. Между нами все хорошо, плохо только с моим характером, да, ведь, в нашей деревне больше чем у половины такой же недостаток; она поэтому вероятно со мной не сошлась и хочет расходиться». Председатель улыбаясь, слушал.

«Понятно» продолжал Ван Да-бао — «с революционной точки зрения я это одобряю, а с моей — не хочу». «А нужно с революционной, тогда будет правильно» — улыбаясь сказал председатель. — «Это правильно, а только я тебе вот что скажу — добыть жену, дело не легкое, с первоначалу, когда я добывал эту жену, я потратил больше 100 рублей, и почти всего себя очистил. Ведь у нас здесь добывают жен все больше из бедных домов, а сейчас у меня нет таких денег, а потом голый парень — дело плохое». — Ну, так чтож ты думаешь?» — спросил председатель. — «У меня два условия» говорил Ван Да-бао — во-первых, лучше всего пусть она от меня не уходит, потому, — я обращаюсь с ней не плохо, а второе, если она хочет все-таки уйти от меня, так пусть заплатит издержки, которые я платил когда ее брал». Председатель засмеялся, встал и, положив руку ему на плечо, по дружески сказал: «Тов. Ван, я тебе вот что могу ответить на твои два условия — наш совет не знает таких условий». Ван Да-бао задумался. «У нас женщины по настоящему свободны» — продолжал председатель — «Записаться, это их воля, издержек они никаких не несут. Думаю, что ты это знаешь. Это все хорошо, это все то, чего нет у контрреволюции». — «Я знаю» безнадежно заявил Ван Да-бао. «За таким советом, как твой, я не пришел бы тебя просить. Я хочу чтобы ты дал мне настоящий совет». Председатель все так же откровенно и так же улыбаясь, братски хлопнул его по плечу — «Ладно», — сказал он — «ты не торопись. Сейчас дам тебе хороший совет, гарантирую тебе именем Совета, что самое большее через месяц ты сумеешь себе найти свою милую»... Когда дошло до слова «милую» — оба расхохотались. Председатель продолжал — «Порвать просто с женой и найти кого любишь таких дел у нас в совете сколько хочешь. За неделю я могу тебе вытащить сто с лишком дел, думаю, что ты конечно, сам видел, а по меньшей мере слышал. У нас здесь постоянно бывают такие дела». Ван Да-бао, слушая, кивал головой. «Ладно, относительно тебя, я думаю так решить. Твоя жена хочет от тебя уйти, тут ничего не поделаешь, потому что на революционной советской земле никто не может ей запретить, но я могу тебе сказать, что если она не захочет вернуться, а ты в течение месяца не найдешь себе человека по сердцу и если ты опять поднимаешь разговор о том, что за деньги захочешь раздобыть себе жену, то я, как председатель, выплачу тебе прежние издержки. Ну тов. Ван, с чем ты еще не согласен?» — «Ни с чем» — радостно ответил Ван Да-бао — «это все правильно, что ты сказал тов. председатель. Правила женитьбы у нас здесь революционные и новые порядки тоже хорошие, а только я тебе вот что скажу — видом я не больно красив. У меня лицо рябое, — боюсь, что женщинам не легко понравится». — «Это не имеет отношения» ответил председатель, «чтоб красивое лицо нравилось, это все старое, советские люди так думать не должны, так думают буржуазия и помещики. Советские люди революционным порядком должны это понимать, а потом у нас здесь, я полагаю, таких мыслей не существует. Сейчас вопрос вот в чем: ты как сейчас работаешь в земельном комитете?» — «Ты, чтоже, спрашиваешь,

хорошо я работаю, или плохо?» — «Верно, это самое важное» говорит председатель. — «Тов. Чжэн, я тебе скажу не стесняясь, я делаю все, что прикажет революция, и хотя я не учен, но если мне дают работу, я делаю хорошо, а кроме того я учусь стрелять в цель — готовлюсь поступить в Красную армию». Председатель довольно улыбнулся. «Этого достаточно тов. Ван, я ручаюсь, что не пройдет и месяца, и тебя полюбит какая-нибудь очень хорошая женщина». Ван Да-бао внезапно заулыбался. «Ну, что еще есть?», сказал председатель опять похлопав его по плечу. «Больше ничего, это все». «Ну, ладно, тов. Ван, подожди, посмотрим. Нужно мне будет платить или нет». Оба довольные пожали руки и Ван Да-бао вышел из совета.

Через три недели он прислал председателю письмо. «Товарищ председатель Чжэн, во-первых говорю тебе, что ты не должен платить, во-вторых, все что ты говорил — правильно, а в-третьих, я только что расписался с одним товарищем — женщиной. Чувствую, что эта получше той. Думаю начать новую жизнь. А еще скажу, спасибо тебе. А платить тебе мне не нужно.

С революционным приветом Ван Да-бао»

10 августа

В противоположность растерянности и ипохондрии литературы буржуазной, произведения писателей левого блока насыщены здоровым энтузиазмом, едкой политической сатирой, оптимизмом, черпающим свою силу в классе, который вырвал из рук буржуазии дело осуществления китайской революции.

В настоящей статье далеко не полно освещается вопрос китайской литературы, вставшей на пролетарскую позицию.

Здесь освещен в пределах имеющихся материалов только момент классовой борьбы в литературном лагере, связанный с расслоением, с образованием ядра новых писателей, которые связали свою деятельность с этапом революционной борьбы за Советы, за красный Китай.

В задачу литературоведческих работ по новейшей литературе Китая входит дальнейшее планомерное изучение создавшейся пролетарской литературы Китая в первую очередь.